

Михаил Златковский: если бы мы стучали друг на друга, как в Америке, Россия давно бы погибла

Златковский Михаил Михайлович 30.10.97

Когда художник (писатель, артист) ненадолго приезжает из Америки, надо срочно бежать к нему, а то не успеешь и он уедет обратно. Когда в Центральном Доме художника открывается выставка "Золотое яйцо", на которой представлены работы графиков, в разное время сотрудничавших с журналом "Химия и жизнь", надо срочно бежать туда, такие экспозиции долги не бывают. Феномен же нуждается в изучении: почему это в годы застоя интеллигенцию так потянуло читать скромный научно-популярный журнал, и не только "Химию и жизнь", но и "Квант", "Знание — сила", "Природа и человек", неужели естественными науками все болели? Теперь мы-то знаем, что, во-первых, эти журналы рисовали картину жизни, сильно отличающуюся от официальной. И, во-вторых, там были художники, которые тоже рисовали. В нашем случае все сошлось: Михаил Златковский, художественный редактор "Химии и жизни", удивительный график, обладатель призов 130 международных выставок, прилетел из Америки, чтобы показать нам выставку и рассказать о том, как жил в те незабываемые годы журнал, он лично, искусство, химия, жизнь...

Вы уж извините, но Бог есть

— Читатели журнала, естественно, читали и радовались добрым текстам и не менее неоднозначным картинкам и не предполагали, как жилось журналу. Неужели неприятностей не было?

— Были да еще какие. Были очень смешные неприятности. Например, после журнальной дискуссии на общеполитической теме пришлось писать объяснительное письмо и оправдываться перед Институтом марксизма-ленинизма. Смысл объяснений: вы уж извините, но все-таки так получается, что Бог — творец всему. Конечно, журнал ругали за утверждение божественного начала, за идеализм, за что попало. Но поскольку люди здесь работали гораздо более высокого интеллектуального уровня, чем ругатели, то им удавалось, показывая кукиш в кармане, доказывать, что это вовсе не кукиш, а, например, знак приветствия.

— Ругать ругали, а почему не разогнали?

— Думаю, потому, что руководил журналом академик Соколов, очень серьезный исследователь. Знаете такую защитную маску, лепесток Петрянова-Соколова, сделанный на принципе молекулярного поглощения? Это лишь одно, самое известное из его достижений. Личностью он был очень своеобразной. Строил на свои деньги церкви в Сибири, начиная с деревни, в которой родился.

Когда Соколова вызывали на ковер, он надевал все свои ордена и играл непонимание. Что вы, говорил он, мы не против советской власти, но это такое научное явление, что его только так можно отобразить, на молекулярном уровне. Естественно, в диспутах на молекулярном уровне он был силен и уходил непобежденным. Но в 1981 году журнал все же сильно прижали. Причиной оказалась случайность: художник проиллюстрировал выдающееся достижение отечественной биохимии: были изображены разные животные, свиньи, коровы, которые везли свои гормональные добавки к кормам. А под рисунком оказалась рубрика "Навстречу энному съезду КПСС", мы эти рубрики везде тогда старались напихать. Получилось, свиньи едут на съезд. Скандал был страшный. А расхо-ды какие! Всей редакцией мы сидели в типографии в Чехове и выдирали из журнала этот лист, из всего увеличенного тиража. У меня был рекорд: пачка журналов за 25 секунд. Но уйти пришлось именно мне: я был художественным редактором, начальство получило строгий выговор и очередное, далеко не первое предложение меня уволить. Поскольку речь шла о существовании журнала, то я написал "по собственному".

— Вы так все замечательно рассказываете, можно подумать, осведомителей в "Химии и жизни" не было.

— Как не было, был. Но это был святой человек, ему надо памятник поставить. Ни разу никого не подвел под ступы.

— Как не было, был. Но это был святой человек, ему надо памятник поставить. Ни разу никого не подвел под ступы.

— Как не было, был. Но это был святой человек, ему надо памятник поставить. Ни разу никого не подвел под ступы.

Где был ты в те огнедышащие годы?

— Этот вопрос Венедикт Ерофеев как будто специально для вас придумал.

— В эти годы на меня копился значительный компромат, регулярно приводящий к собеседованию с экспертами по культуре — следователями ГБ.

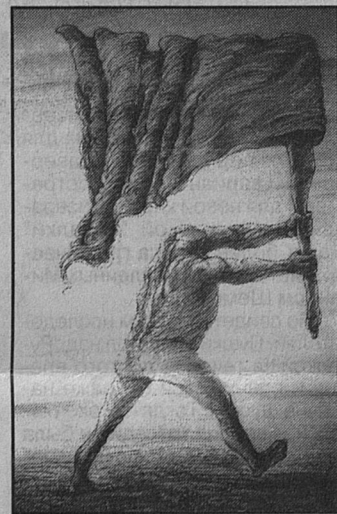
В 1974 году посадили многих моих друзей — не за диссидентство, а просто так, и я проходил свидетелем. Тогда спасла эрудиция. Зимой 1981 года разбирался уже конкретно со мной, и следователь был достаточно образован. Спрашивали: каким образом ваши работы попали в Берлин на международную выставку? А попасть они могли только с заказом: с 1973 года почти на границе не работала, переслать рукописи или рисунки можно было только с разрешения Министерства культуры, которое, естественно, не разрешало. В результате только один худож-

ник от имени всей страны фигурировал на международных выставках: ему было разрешено посылать работы через "Советскую культуру". А с okazji... Много лет спустя я обнаружил свою графику на стене в квартире своего датского знакомого. Как, вскричал я, ты же должен был передать!... Датчанин ответил, что эти работы были слишком хороши для того конкретного мероприятия. Да вот буквально неделю назад мне рассказали об одном "коллекционном альбоме", в Филях, который всю квартиру увешал моими работами. В то время он "курировал" художников. Интересно было бы познакомиться.

В 1982 году я ездил в Лефортово на допросы каждый день. Дело готовились передать в суд — антисоветская пропаганда, антисоветская деятельность, друзья-шпионы...

— А графика ваша в качестве обвинений фигурировала?

— Да, вот эта работа: человек без головы несет флаг, который превращается в топор. У следователя топор стал красным. Я показывал оригинал и объяснял, что флаг бесцветен, он может быть и зеленым, и синим, эта работа предостерегает против любого фанатизма. Ничто не помогало. Тут и подоспели совершенно уничтожающие отзывы обо мне из Союза художников. Вот Борис Ефимов — недавно были опубликованы его воспоминания, в которых он пишет, что виноват лишь в одном, в том, что рисовал карикатуры на Троцкого. Думаю, что лукавит. Как секретарь Союза художников он многих идейно припечатал. Мое дело тем не менее до суда не дошло: видимо, я так яростно защищался по каждому пункту, что стало ясно — дело развалится.

— Почему, интересно, художники стремились утопить тоже художников, не лучше ли было сомкнуть ряды и вместе противостоять?

— Не лучше. Ведь мы все же участвовали в выставках за рубежом, и жюри невозможно было подкупить или приказать. Получалось: какие-то пацаны отрезают призы, а мэтры остаются ни с чем. Однажды мэтры нас заметили. Целая группа молодых художников получила приглашение на Кузнецкий мост, где стены были завешаны нашими рисунками из каталогов газет, неизвестно откуда. Тюнин, Дубов, Владимир Иванов, Песков, Макаров, Розанцев, Бахчинян, Орехов... Мы почувствовали себя именитниками, бродили по залу и мечтали: сейчас нас всех скопом примут в Союз художников. Но тут появилось все правление союза, и один за другим по бумажке стали читать доклады, а девушки с наушниками записывали. От нас не оставили камня на камне, призвали к совести "Литературку", пускавшую нас на последнюю полосу, громили нас и позорили.

— Получается, что у графиков была своя "бульдозерная выставка"?

— Совершенно верно. Кстати, есть подтверждение такой истории "бульдозерной выставки": начальник отдела ГБ, курировавшего художников, собрал своих подчиненных и сообщил, что намерен получить следующую звездочку на погоны. Вот "кураторы" литературы постарались, выперли Солженицына, и им весь почет, а вы не работайте, раздолбай. Давайте, ищите! И после этого смели бульдозерами художников. Чем оказали плохую услугу миротворцу Брежневу. Он вернулся после очередного визита в страну, дал нагоняй ГБ, и буквально через месяц открылся вернисаж в Измайлово, еще был павильон "Пчеловодство" на ВДНХ, где выставлялись художники... А я обнаружил, что работы для меня после общения с ГБ нет. Звали в журнал "Квант", но взять не смогли — запрет. Звали в "Работницу" — тот же эффект. Помыкавшись, я смог поработать в скромном ведомственном журнале "Природа и человек", но журнал вскоре раскололся по поводу проекта переброски рек. И меня выгнали уже и за реки, при этом про-

веч. клуб - 1997. - 30 окт. - е.з.

фессиональная комиссия дала блестящие отзывы о моей работе. Но выгнали, и все.

— Выгнали, и вы уехали в Америку.

— Нет, как ни странно. Уехал я гораздо позднее, когда уже работал в издательстве "Книга", о чем мечтал всю свою жизнь. В 1992 году издательство просто не существовало, сдав свое помещение корейскому концерну по продаже брокколи и риса. Появились какие-то миллионеры из Казани, замыслившие издать альманах. Я все сделал, но альманах не вышел. Поступило предложение издать в "Советском художнике" свою — свою! — книжку. Я все сделал, но книжка не вышла. Начались безумные цены на пленку, цветоделение, на все на свете. И я вдруг обнаружил, что мои друзья-издатели занимаются торговлей лесом или еще чем-то, а не своим делом. Они говорили: вот еще заработаем, и тогда за дело. Но это время не наступало. Через пару лет я уехал.

Осмысленная графика

— Складывается впечатление, что вы всю жизнь боролись и скитались, а почти целая стена увешана на выставке вашими работами. На некоторых очень интересные даты: 1979 — 1996. Не представляю себе, как одну и ту же мысль можно держать в голове почти 20 лет.

— Можно, потому что держишь ее еще и на бумаге. Бывает, мысль прекрасная, а на рисование художник не слишком обращает внимание. Я стараюсь соединить и мысль и достойное рисование. Получается осмысленная графика. Сначала она существует в маленьком эскизике, начинаешь думать, как это сделать, потом делаешь лучше и лучше. Вот здесь я изобразил себя: корабль со множеством пассажиров плывет в одну сторону, а я на плоту в бассейне, в голом виде, гребу в другую. Так сказать, внутреннее диссидентство.

— И корабль этот — корабль дураков.

— Так тоже эту работу называли. На самом деле она называется "...И корабль плывет".

— Страшноватые у вас есть рисунки. Например, Икар, которого перед полетом шмонают люди в форме. А какую свою работу вы считаете наиболее страшной?

— Ту, где женщина ждет поезда, "В ожидании будущего". Такое настроение у меня было перед отъездом в 1993 году: ждем поезда, которого не будет, потому что рельсы разбиты. Это настроение, потому что в графике в отличие от карикатуры все объяснить словами невозможно.

— А можно сформулировать основную тему ваших работ?

— Инь и янь. Единство и борьба противоположностей, а не только женского и мужского начала. Борьба светлого и темного — в человеке, в стране, где угодно. Двойственность мира. Единство добра и зла...

— Вас считают трагиком в графике.

— Нет, трагедия — это смерть. Скорее — драма, борьба.

— Вы когда-нибудь пытались подсчитать все свои призы за участие в международных выставках?

— Пытался, не получилось. Думаю, что их штук на 30 больше, чем у рекордсмена Книги Гиннеса. У меня нет всех моих дипломов и собрать их нет возможности. Первые 10 лет я вообще не знал о своих победах.

— Но они имели значение, когда вы уехали в Америку?

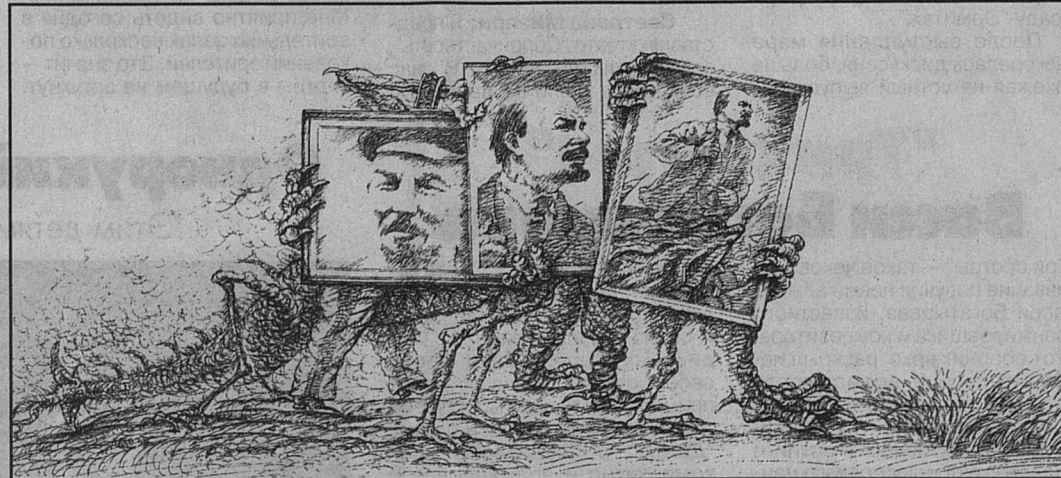
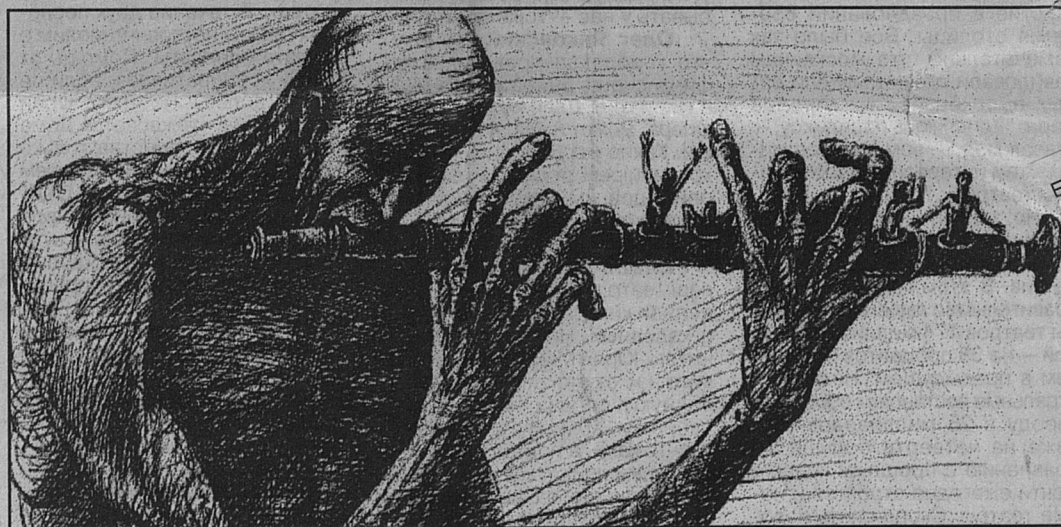
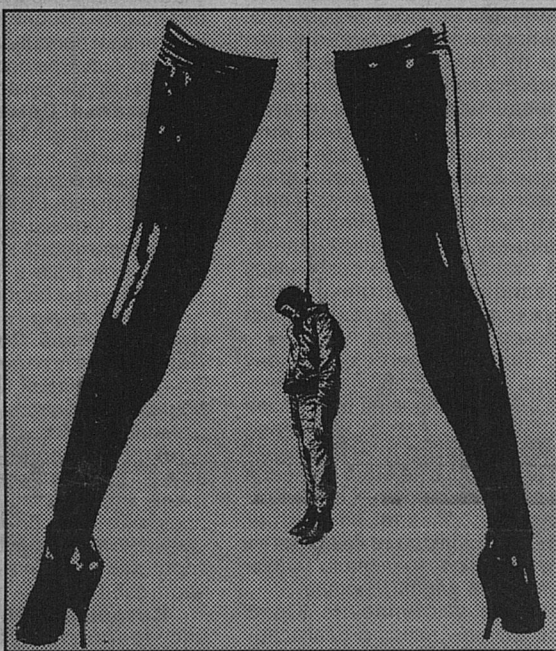
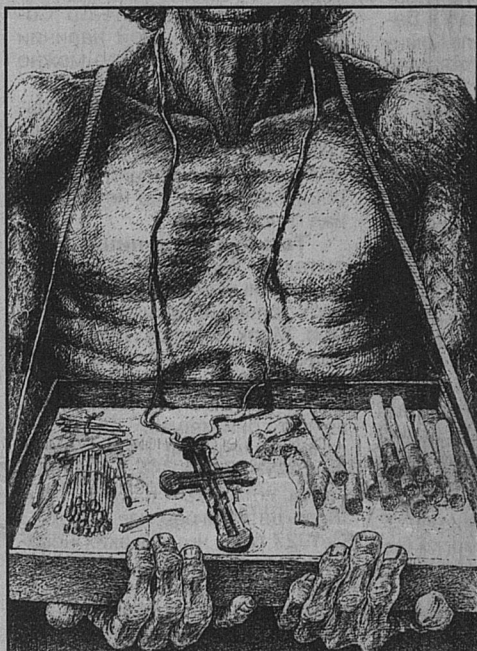
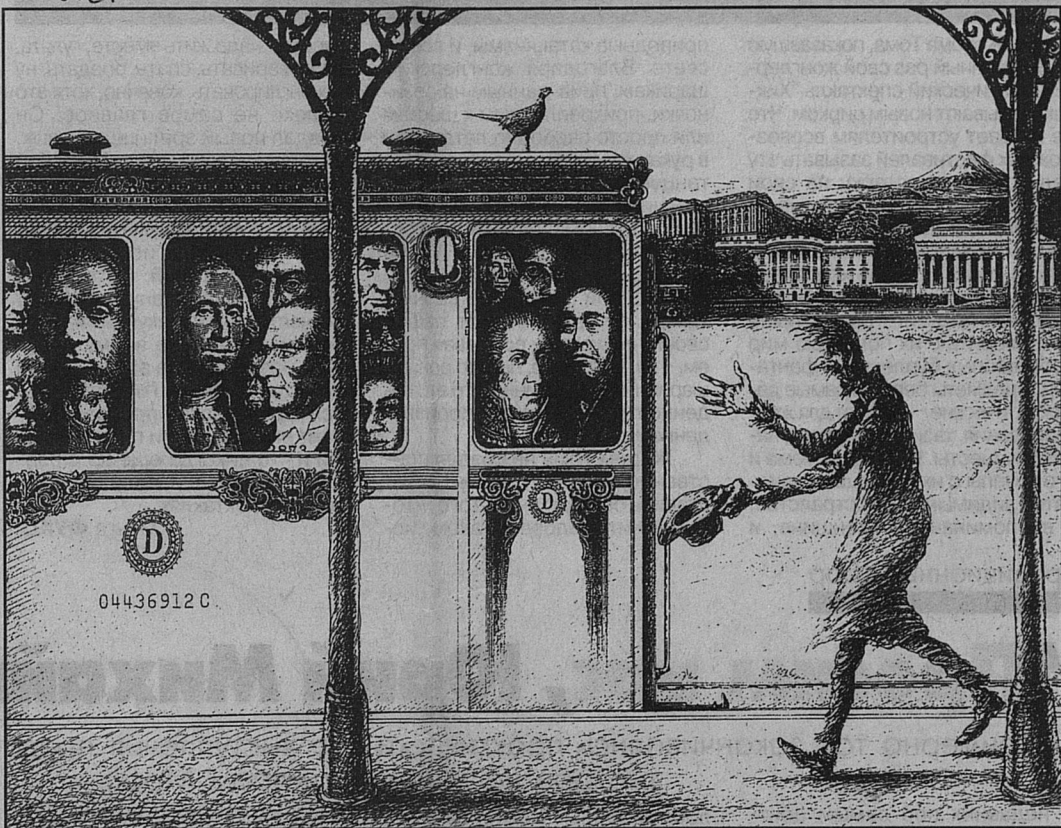
— Мне кажется, в Америке вообще ничего, кроме нее самой, не имеет значения.

Страна стукачей за океаном

— Я уехал читать лекции по андеграунду Восточной Европы. В США масса всяких фондов, которые приглашают читать лекции самых причудливых личностей. Бывшего фашиста, например, какого-нибудь. Он, конечно, не будет рассказывать, чем именно травил людей, а поведаст что-нибудь о своем мироощущении, своих взглядах. Очень познавательное. Вообще слушателей моих лекций не интересовало искусство. Их интересовало: стоит ли вкладывать деньги в России. Я читал в университете, в одном, в другом, и даже в пресс-клубе в Вашингтоне. Везде одно и то же.

— Но лекции — не главное дело для художника.

— Нашлось и главное: большая такая газета в Сан-Диего, "Ридер". Здесь она называется, естественно, "Сан-Диего Ридер". За год я сделал из нее конфетку — это было легко, мне дали карт-бланш. Ввел все принципы, что нарабатывал здесь: умного, осмысленного рисования, умной фотографии. Стали делать хорошие

съемки, прекратился вал просто документальной фотографии.

— А рисовать-то свое успева-

ли? — Да это не очень и нужно было. Индивидуальное сознание в Америке не поощряется, рисунки мои не были нужны. Притом что американцы ведут жизнь очень частную, отдельную от других, всегда сами по себе, не имеют особую манеру рисования здесь ни к чему. Стандарты сознания здесь очень средние для всех. Предполагалось, что через год я переберусь в Нью-Йорк, а вот там есть спрос на искусство. Но менее чем через год меня уволили, в одну секунду.

— По-че-му? Что, газета не хороша?

— Газета-то получилась красивая, ее раскупали, вырос тираж, но... Вернулся владелец газеты, он меня принимал на работу, а потом был в Ватикане, на курсах учился. Хозяин выяснил, что я разогнал полколлектива, что лишил работы тех, с кем хозяин ловил рыбу, проводил уик-энды. Никого я не разогнал, а только отделил людей, способных работать от неспособных. И не убедил никого возросший тираж газеты.

Хозяину это неважно — газета живет за счет рекламы, а хорошая она или нет — неважно. Давно прошли времена, когда Америка ценила идеи, золотые руки. А теперь здесь ценится внутреннее спокойствие, ради которого надо сохранять статус-кво. Я посылал свои резюэ и работы в огромное количество изданий, отвечали: спасибо, не надо. Если я действовал через знакомых, мои знакомые восклицали: но Златковский же лучше вашего художника! Возможно, отвечал издатель, но с моим художником я учился в школе. И нас все устраивает, все, как есть. Журналистская среда в Америке — кастовое общество. Это изолированные помещения, куда ты просто так не войдешь. Нельзя было, как в России, работать на несколько изданий. Если ты пробрался в газету, то живешь только здесь и растешь вместе с художественным редактором, связанный огромным количеством договоров. Очень многие художники работают хуже, чем могут. Зачем выделяться — проблемы. Это было одно из самых сильных разочарований.

— У вас не было трудностей с компьютером, с языком?

— Были, но преодолимые. Очень быстро заговорил, очень быстро научился работать на компьютере, причем без сканирования, сразу делая рисунок. Но приобрести особенный американский менталитет я так и не смог. Широкая улыбка, хай, объятия и... готовность тут же наступать начальство по любому поводу и без повода вообще. Да если бы мы так стучали — все на всех, — Россия бы погибла. Я работал во многих местах, и везде донос — форма существования. Объясняется это просто: если у тебя есть работа, то есть все. Потеряв работу, ты все и теряешь.

— Получается, что вы уехали из страны доносов и приехали в такую же.

— В худшую.

— И что теперь?

— Возвращаться. В России за четыре года, что меня здесь не было, выросло, пробилось совершенно замечательное поколение молодых людей. Они хотят издавать, делать, работать с новыми идеями. Я здесь нужен.

— А журнал "Химия и жизнь"...

— Работает. Я сейчас туда иду.

Встречалась Ксения КЛИМОВА.